

УДК 94(57)+94(574)"15–17"

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ТЮМЕНСКОЕ / СИБИРСКОЕ ХАНСТВА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2015 г. Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

В статье рассмотрены основные этапы внешнеполитических отношений Московского государства и Тюменского / Сибирского ханства в XV – первой половине XVII века. Значимыми факторами этих отношений был поволжский и казанский вопросы, а также борьба за ясачное население. Их начало следует видеть в политике хана Ибрахима, который был не только тюменским и ногайским правителем, но и в 1480–1490-е гг. претендовал на ордынский и казанский престолы. Тенденции, заложенные Ибаком, оставались значимыми на протяжении всей истории сибирской государственности Шибанидов, что периодически приводило к переходу от мирных переговоров к открытым военным столкновениям. Однако, последние не были частыми, хотя и завершились в итоге завоеванием всей территории Сибирского ханства русскими. Значимым фактором этого было попытка сепаратного признание сибирскими беклярибеками Тайбугидами власти московского царя Ивана IV, что дало идеологическое основание для присоединения. Вопреки традиционной точке зрения, авторы не считают нужным заканчивать взаимоотношения походом Ермака и поражением сибирского хана Кучума, поскольку его потомки, Кучумовичи, вплоть до 1670-х гг. продолжали претендовать как на титул, так и земли этого ханства, по сути, разделяя последние с московскими государями.

Ключевые слова: Тюменское и Сибирское ханство, Московское государство, международная политика.

Начало взаимоотношений Московского княжества и Тюменского ханства традиционно принято относить к 1481 году. Исходным пунктом стало посольство тюменского хана Ибака к князю Ивану III с сообщением об убийстве хана Большой орды Ахмата. В ходе развития данных отношений можно выделить несколько этапов, которые были напрямую связаны с изменением политической ситуации на постордынском пространстве. Развитие этих взаимоотношений между московскими Рюриковичами и тюменско-сибирскими Шибанидами в конечном итоге привело к падению Сибирского ханства при Кучуме и его наследниках. В русской историографии часто делается предположение о значительной роли в этом процессе агрессивной политики Шибанидов и ответной реакции русских властей. Как кажется, для средневековой эпохи становления евразийской государственности некорректно ставить вопрос о сравнении степени агрессивности политических объединений. Причин этого две: отсутствие совершенного научного инструмента для проведения такого сравнения и невозможность выживания миролюбивого государства в условиях средневековой цивилизации, во многом построенной на военной идеологии и постоянных спорах за различные ресурсы. По всей видимости, одним из таких ресурсов на тот момент могла быть пушнина. Контроль над ее источниками осуществляли те правители, которые одновременно контролировали и сибирские просторы. Кроме того немаловажным фактором во взаимоотношениях было столкновение интересов Москвы и постордынских государств за контроль над экономически выгодной территорией Поволжья.

В связи с этим остановимся на основных вехах и этапах этих отношений. Необходимо понимать, что предки московских государей сталкивались с представителями династии Шибанидов еще в период истории Монгольской империи и Золотой Орды. Например, Шибан, один из братьев Бату, вместе с монгольским полководцем Субедеем, по всей видимости, участвовал в разгроме владимирского князя Юрия Всеволодовича в битве на р.Сити 4 марта 1238 г. (Костюков, 2008, с.49–50) Его потомки были активными участниками событий периода Великой Замятни, и, в том числе, занимали золотоордынский престол (Хизр, Пулад (?), Каан-бек, Арабшах и другие). Однако эти представители династии, как и известные ханы первой четверти XV века (Хаджи-Мухаммад, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр), если и сталкивались с русскими, как, например, Арабшах (Арапша русских летописей), то лишь в рамках традиционного ордынского концепта прав ханской власти на управление и обложение данью русских земель. Очевидно, что иных вопросов не возникало по причине удаленности от московских границ сибирских владений Шибанидов, на основе которых выросло Тюменское ханство. К тому же вплоть до середины XV века Москва была лишь одним и при этом не самым значимым игроком на постордынской политической арене.

Ситуация коренным образом меняется лишь с приходом к власти в Тюменском ханстве около 1469 г. хана Ибрахима (Ибака) и затем его родственников (братьев Мамука и Агалака и сына Кутлука). Именно с них начинаются первые упоминания о Шибанидах в русской посольской переписке, и возникает первый этап взаимоотношений. При этом для русских дипломатов они часто были связаны не с Тюменским ханством, данные о котором в Московии были крайне ограничены, а с Ногайской Ордой, формальными сюзеренами которой Шибаниды к взаимной выгоде выступали фактически на протяжении всего XV века. Формирование нового направления русской внешней политики можно связывать с появлением в Поволжье политической силы в лице тюменского и ногайского хана Ибрахима, который при поддержке ногайских биев Мусы и Ямгурчи в январе 1481 г. разгромил своего бывшего союзника, хана Большой Орды Ахмада и увел его орду-базар «в Тюмень». Это давало ему возможность заявить о своем праве на золотоордынский престол (Полное собрание, 1982, с.95).

Вероятно, частично с этим связан, тот факт, что, согласно летописям, практически сразу после разгрома хана Ахмата Ибрахим направил посла к Московскому князю с извещением о своей победе и, тем самым, обозначил свое новое положение владельца «Саина стула», то есть трона Улуса Джучи (Полное собрание, 1982, с. 95; Собрание, 1894, с. 14). Эти события, с одной стороны, привели к уничтожению одного из главных противников Москвы, а с другой – поставили ее перед необходимостью определиться относительно возможных претензий Ибрахима, которые он в свою очередь попытался реализовать после неудачного похода на Хаджи-Тархан в 1493 г.

В свою очередь, после разгрома Большой Орды и хана Ахмата Москва начинает выдвигаться наряду с кочевыми государствами постордынского мира на арену борьбы за политическое влияние на окружающие территории. Это выразилось, в частности, в походе 1483 года в Сибирь и активное вмешательство в дальнейшем во внутренние дела Казанского ханства. Контакты кочевых постордынских государств с Москвой значительно активизировались, при этом в переписке властители этих политий, понимая большое значение убийства Ахмад-хана для русских, стремились всячески использовать этот факт в своих интересах. Этим могут объясняться несоответствия в летописях по поводу «авторства» ликвидации Ахмад-хана, так как каждый из союзников в переписке с Москвой, по всей видимости, стремился приписать себе эту заслугу (Горский, 2005, с. 177–178).

В 1483 году московские воеводы совершили поход на территорию Сибири, трактовка которого вызывает значительные разногласия в историографии. Существует версия, которая связывает причины и цели этого похода с формированием некоего единого агрессивного антимосковского фронта позднезолотоордынских татарских государств Джучидов и, в частности, с агрессивной политикой Тюменского ханства, которое использовало для своих целей подвластное таежное население Западной Сибири. По другой версии причины этого похода рассматриваются как следствие взаимных договоренностей московского князя Ивана III и его нового союзника тюменского хана Ибака, направленных против противников Ибрахима князей Тайбугидов. Впрочем, ни одна из этих версий не подтверждается источниками. Формирование общего фронта позднезолотоордынских государств происходило позднее и связано с активизацией политики Москвы в Казани. Кроме того, несмотря на соседские отношения между сибирскими князьями (при этом не из будущей династии беков Тайбугидов, а из югорской знати) и ханом Ибрахимом, очевидно, что территории к северу от Тюменского ханства на тот момент не входили в его состав, хотя и могли рассматриваться в качестве потенциального объекта грабежа. Тем более нет данных о возможном вассалитете угорских князей (в том числе, князя независимого Пельмского княжества) от Тюмени. Если говорить о Тайбугидах, то они в этот период не были связаны с Сибирью, являлись союзниками и родственниками хана Ибрахима. Возможность союза между Москвой и Тюменью также не находит убедительного подтверждения. На наш взгляд, это поход напрямую мог быть не связан с московско-тюменскими отношениями. С гораздо большей долей вероятности источники позволяют реконструировать цели похода как локально-конкретные, связанные с противостоянием между Новгородом и затем Москвой с вогульскими и остяцкими князьями, в частности пельмскими лидерами Асыкой и Юмшаном, из-за вопросов пушной торговли, и отчасти, возможно, осложненные расширением процессов христианизации (Маслюженко, Рябина, 2014, с. 115–123). В этих условиях напротив прямое вмешательство Москвы в сибирские дела могло напротив привести к конфликту с Тюменью.

Следующий шаг, который предприняла Москва для укрепления своих позиций в регионе, был связан с вмешательством в казанские дела в 1487 г. и ссылкой казанского хана Али (в источниках упоминается как «Алегам»). В результате казанский вопрос выдвигается на первый план и в мос-

ковско-тюменских отношениях. О значимости казанского вопроса свидетельствует, то, что именно с него начинается постоянная посольская переписка хана Ибрахима и Ивана III в 1489 году, связанная с возведением на казанский престол промосковски настроенного Мухаммед-Амина, что фактически давало русским контроль над регионом. Это непосредственно затрагивало интересы кочевых правителей, в том числе и хана Ибрахима, при этом конфликт мог дополнительно разжигаться частью ногайской и бежавшей казанской аристократии, которая находилась при дворе Ибак-хана. Кроме того, кочевые правители со времен распада Золотой Орды рассматривали на уровне политической идеологии Казанский престол в качестве «Тахт эли» (Исхаков, 2014, с. 175–190).

Одной из главных причин интереса к Казанскому ханству со стороны Москвы заключалось в прекращении набегов со стороны Казани и укрепление южных и юго-восточных границ, безопасность и обеспечение потенциального контроля над территорией Волго-Камья, Перми и Северного Зауралья. Экономическая заинтересованность кочевников в Казани в данном случае служила способом достижения политического влияния для Москвы. По мнению А.М.Хазанова, оседлые государства, соседствующие с кочевниками, рассматривали торговлю с ними именно как инструмент внешней политики и давления (Хазанов, 2002, с. 334), что использовали великие князья в отношениях со степью и Сибирью. Примером этому может служить ответ Ивана III на посольства Тюменского хана Ибака и ногайских мурз Мусы и Ямгурчя, в котором Москва недвусмысленно и жестко диктует свои условия для разрешения торговли ногаям в данном регионе (Посольская книга, 1984, с. 21–22).

Определение значения Булгарских (Казанских) земель во владениях Шибанидов в предшествующее время достаточно дискуссионный вопрос, хотя и имеется информация о претензиях на эти земли со стороны шибанидских ханов Хаджи-Мухаммада и Абу-л-Хайра. Ибрахим в течение своего правления не только обращался к московскому князю относительно судьбы казанского хана, но и поддерживал казанскую знать, несогласную с московской политикой и скрывавшуюся в тюменских владениях.

Письмо от Ибака пришло в Москву в ноябре 1489 г. вместе с грамотами от Мусы и Ямгурчи. В одном из изданий оно получило название «... о продолжении дружбы и союза» (Собрание, 1894, с. 6), что видимо, подразумевало наличие каких-либо дружеских отношений между Москвой и Ибрахимом в предыдущее время. Возможно, имелось в виду установление посольских отношений в 1481 году после разгрома хана Ахмата. В грамоте 1489 года подчеркивается равный статус Ибрахима и русского царя. Основной темой переписки выступал вопрос, неоднократно поднимаемый в дальнейших грамотах, освобождение бывшего казанского хана Али. При этом в грамоте от 1489 года к Ивану III Ибак-хан пытается в качестве аргумента привести то, что в свое время именно Москва посадила «Алегама» на престол Казани (Посольская книга, 1984, с. 18).

В ответ Москвой были выдвинуты обвинения по поводу укрывательства тюменским ханом и его союзниками беглых сторонников казанского хана и разграбления поволжских земель, находящихся под покровительством Русской власти: «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ибак царь да и мырзы у себя держат» (Посольская книга, 1984, с. 21). Причем указывается, что Ибак с мирзами и с перечисленными выше людьми грабят казанские земли, находящиеся под русским покровительством. Для продолжения союза все награбленное предлагалось вернуть (Посольская книга, 1984, с. 22).

Если в грамоте 1489 года ряд фраз можно трактовать как возможное благополучное разрешение вопроса по поводу Али, то есть его возвращение на Казанский трон самим Московским великим князем: «Ко мне его не восхошь пустити, и ты его на его вотчину отпустишь», то уже в грамоте от 1493 года присутствует только предложение о том, чтобы Алегама переправили в Сибирь «...Алегам царь стоит, того прошу у тебя. Да как его дашь нам...» (Посольские книги, 1995, с. 19, 46).

Собственно эта тема была основной в посольских связях между Москвой и Тюменью. В грамотах от Ибака, также как и от ногайских мирз Мусы и Ямгурчи, за освобождение пленников звучит одинаковое обещание не только дружбы: «Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти», но и военного союза: «После того яз другу его другом стою, а недругу его недругом стою» (Посольские книги, 1995, с. 33, 46). Это, учитывая многочисленную ногайскую конницу, которую номинально возглавлял Ибак-хан, было уже немало, хотя с другой стороны, отпустив Али, Россия не могла рассчитывать на выполнение предложенных обязательств.

Москва вполне понимала, за кем стоит реальная военная власть в степях и поэтому предпочитала налаживать более тесные контакты именно с Ногаями, в частности путем брачного союза в

1490 году между своим ставленником Мухаммат-Амином и сразу двумя дочерьми предводителей Ногаев Фатимой (дочь Мусы) и Каракуш (дочь Ямгурчи), что было вызвано необходимостью заключения союза против агрессивных действий сыновей большеордынского хана Ахмеда (Памятники, 1884, с. 89). Как объяснял свое решение Московский великий князь Мухаммат-Амину: «...чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был...» (Трепавлов, 2002, с. 137).

В этом же году ногайские послы сообщали в Москве, что Ибрахим хан скрывает у себя представителей оппозиционной казанской партии, которая поддерживала предыдущего хана. (Посольская книга, 1984, с. 33–34). В связи с этими событиями существует версия о том, что казанцы могли провести церемонию интронизации Ибака на казанский престол, что и привело к его наименованию в некоторых летописях «казанским царем» (Трепавлов, 2007, с. 101). Причем под этим титулом он упоминается вплоть до своей смерти (Полное собрание, 1987, с. 118). Это могло послужить причиной организации совместного ногайско-тюменского похода на Казань с целью отвоевать ханство, который в последний момент удалось остановить мирзе Мусе, не желавшего осложнения с Москвой (Посольские книги, 1995, с. 47; Трепавлов, 2002, с. 118). Не сумев осуществить свои притязания на казанский трон, Ибрахим в союзе с ногаями и крымским ханом, а также при формальной поддержке русского великого князя, организовали неудачный поход на Астрахань в 1493 году (Посольские книги, 1995, с. 45–46).

Возможно, из-за провала этого похода, Ибрахим стремился лишний раз подчеркнуть свой авторитет в глазах Москвы, используя прошлые успехи, и возобновил попытки укрепиться за счет решения казанского вопроса. В 1493 году от Ибака в Москву пришло еще одно письмо: «Ибраимово слово Великому князю Ивану брату моему поклон». В письме говорилось о том, что Ибрахим «Саинский... стул взял... на отцов юрт к Волге пришед стою», и, кроме того, опять содержалась просьба вернуть «Алегама» (Собрание, 1894, с. 14). В данном случае в письме отражены события 1481 г., о которых Ибак напоминает великому князю. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чимги-Туру (Посольские книги, 1995, с. 47). Тем не менее, дальнейшей переписки и обмена посольствами не последовало, а вскоре (около 1495 г.) Ибрахим скончался.

С этого момента связи Москвы и Тюмени временно прекращаются. Наследующий Ибрахиму Мамук, скорее всего, не представлял такого интереса для Москвы, как сам Ибак, хотя и причинял много беспокойства, так как ногаи продолжали делать ставку на тюменских династов. После неудачи с воцарением на престоле Большой Орды и под давлением беглой казанской знати, предводители Ногайской Орды вернулись к идее посадить тюменского Шибанида на трон в Казани. Это было использовано при последующих вторжениях на казанские территории братьев Ибрахима Мамука (1495–1496 г.) и Агалака (1499 г.).

В 1496 году был организован поход нового тюменского хана Мамука, при поддержке ногаев и казанской знати, которая находилась при тюменском дворе. Мамук, в отличие от Ибрахима не делал попыток установить дипломатические отношения с Москвой, вероятно по причине недолгого царствования. О его деятельности известно только из летописей, переписки крымского хана и великого князя, а также из посланий ногайских биев (Полное собрание, 1901, 1982; Посольские книги, 1995, с. 47; Памятники, 1884, с. 236). Проявив себя не с самой лучшей стороны в плане внутреннего управления Казанским ханством, вызвав массовые недовольства своей политикой, Мамук был вынужден его оставить и по дороге в Тюмень умер (Полное собрание, 1901, с. 242–243).

В 1499 году совместными силами Тюмени и знатных казанских татар, был организован очередной поход на Казань во главе с новым претендентом на престол – тюменским Шибанидом Агалаком, братом ханов Ибака и Мамука (Полное собрание, 1901, с. 249–250). Среди казанцев летописи особенно выделяют князя князей Урака, который известен по русским летописям как предводитель казанских войск в совместном с русскими походе на Вятку в 1489 году (Полное собрание, 1982, с. 96). Можно предположить, что его титул как беклярибека при Агалаке свидетельствует о возведении последнего заочно в ранг хана Казани.

Несмотря на то, что ногаи не участвовали в этом походе и даже организовали собственный спустя некоторое время, по мнению В.В.Трепавлова, Агалак был возведен на ханский престол мирзой Хасаном с целью получения беклярибекский титул и упрочения своего положения в Орде (Трепавлов, 2002, с. 144). Не были лишены покровительства и другие тюменские потомки Шибана. К примеру, царевич Ак-Курт, двоюродный брат Агалака, вел свою переписку с Василием II, находясь у Ногаев (Посольские книги, 1995, с. 54–77).

Оба похода оказались неудачными. Неудача с казанским походом, по всей видимости, подтолкнула Агалака, добиться желаемого другим способом. В переписке царевича Ак-Курта с Василием II, упоминаются переговоры «всякого же году», которые вел Агалак еще с Иваном III «...и мы тогда к вам грамоту посылали...» (Посольские книги, 1995, с. 54), по поводу принятия русского подданства в обмен на казанский престол. Переговоры в окончательном варианте имели негативный для тюменских правителей результат, хотя из Москвы писали, что «мы.. по вашей грамоте посылали к вам своего человека с своею грамотою, и тот наш человек вас не доехал» (Посольские книги, 1995, с. 59). Провал во внешней политике, вероятно, привел к расколу внутри тюменских Шибанидов и вынудил Агалака вместе с частью элиты уйти на юг в степи к ногаям около 1505 года.

В ответ на просьбы о казанском престоле московские князья, с одной стороны, не желала от нее отказываться как от запасного варианта, но и не спешили однозначно согласиться, что и привело к уклончивому ответу: «и ты бы к нам поехал, а как у нас будешь, и мы тогда тебя братом и другом себе учиним, и место тебе в своей земле дадим...а которые люди с тобою к нам придут, и мы тех людей и тебя для жаловати хотим...» (Посольские книги, 1995, с. 59). Смысл такой политики, по-видимому, заключался в том, что великий князь с одной стороны хотел обезопасить восточные границы России от беспокойных Шибанидов, приняв их под свое покровительство. С другой, Москва не особенно стремилась к усилению опасных и, по сути, бесконтрольных соседей, дав им во владение «проблемное», но от этого не менее значимое, Казанское ханство. Особенно если учесть, что за Агалаком и Ак-Куртом в это время стояли мало управляемые ногайские мурзы. Возможно, зная о проблемах России в Казанском ханстве и о предательстве Мухаммад-Амина, царевич Ак-Курт в 1507–1508 гг. через своего сына Ак-Девлета продолжал настойчивые попытки выпросить Казанское ханство или другой юрт (Андреев городок каменные в Касимовском ханстве) в обмен на подданство (Маслюженко, 2011, с.62–66).

В то же время не все тюменские Шибаниды стремились к миру с Москвой. Политику по нападениям в Приуралье («на Пермь Великую») продолжил в 1505 году новый тюменский лидер «царь Кулуг Салтан», то есть сын Ибрахима Кутлук. В летописях упоминается его поход 1505 года из Тюмени на Великую Пермь. Поход был приурочен к событиям, которые происходили в Казани в это время, когда «безбожный и зловерный царь Магамед-Амень Казанский ... забыв свое слово и преступи шертныа грамоты, великого князя посла поимал...и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Ногаи» (Полное собрание, 1901, с.259). В Архангелогородском летописце Кулук называется салтаном, то есть царевичем, хотя в других источниках он упоминается как сибирский царь Кулуг Салтан (Вычегодско-Вымская, 1958, с. 264). Он пытался отвоевать у русских часть территории Казанского ханства, но был разбит (Полное собрание, 1982, с.99).

Но в 1507 году конфликт с Казанью постепенно урегулировался и, как писал Василий II в ответной грамоте к Ак-Курту, на все его предложения о Казани или другом юрте: «казанской царь Махмет Аминь нынче нам друг и брат, а в Городке Мещерском Янай царевич, и те места оба не порожни и нам тех мест обеих не пригоже ему дати» (Посольские книги, 1995, с. 77). Далее в грамоте упомянуто, что «грамоты князь велики к Аккурту царевичю не послал». Собственно на этом переговоры зашли в тупик и в дальнейшем об их продолжении ничего не известно. Если Агалак в начале переговоров, вероятно, еще мог рассматриваться в качестве возможной кандидатуры, которая могла бы примирить восточную и русскую партии, с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммад-Амина, то после его смерти в 1507–1508 году Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не рассматривались в качестве сильных политических фигур.

Таким образом, последняя по времени попытка Сибирских Шибанидов получить казанский престол при помощи переговоров с Москвой провалилась, также как и военные операции на этом направлении. Это говорит о крайнем ослаблении, как самого Тюменского юрта, так и возглавлявшей его династии, оказавшейся «на обочине» международной политики. В дальнейшем сын Ак-Курта Ак-Девлет и внук Шах-Али стали первыми представителями сибирских Шибанидов, осевшими в Московском царстве (возможно, в Мещере) в период с 1512 по 1541 г. (Маслюженко, 2011, с.67).

В источниках нет известий о сношениях московских князей и тюменских ханов после 1508 года, последние исчезают из русских источников. Возможно, после неудачного похода Кутлук-Салтана в 1505 году, усугубившего предшествующие поражения, Шибаниды отступили в степную

зону, в том числе в подконтрольные присырдарьинские степи. При этом на севере они оставили правивших от их имени беклярибеков из рода Тайбуги, а Чимги-Туру уступили кому-то из угорских князей. Кризис Тюменского ханства в 1510-х гг. привел к его исчезновению как активной стороны внешней политики и последовавшему сворачиванию первого этапа московско-тюменских отношений.

В середине XVI века происходят два события, которые повлияли на расстановку сил в постзолотоордынском мире. Завоевание русскими казанского и астраханского ханств, способствовало значительному повышению авторитета Московского государства на степной арене (возможное следствие перехода «Тахт эли» Казани к московскому правителю). В пользу этого свидетельствуют случаи обращения кочевых лидеров к русскому царю за покровительством и помощью против своих противников.

Новый (второй) этап взаимоотношений связан с обращением в Москву искерских князей из династии Тайбугидов, первое посольство от которых прибыло в январе 1555 года. По всей видимости, князь Едигер и «вся земля Сибирская» в это время пытались найти нового сюзерена в лице царя Ивана IV, предлагая платить ему дань, и дистанцироваться от династии тюменских ханов. Одной из уловок, которой воспользовались Тайбугиды, для обоснования своих полномочий на передачу Тюменского юрта в подданство Москвы, была фальсифицированная идеология. Согласно ей именно Тайбугиды имели исконные права на данные земли, а не Шибаниды. В то же время, установление отношений между Москвой и Искером рассматривалось обеими сторонами совершенно с разных позиций, что в полной мере проявилось в проблемах с уплатой дани.

С позиции сибирского князя Едигера признание подчиненности Москве носило, на наш взгляд, вынужденный ситуацией характер. Помимо фактора внешней опасности, по мнению исследователей, на решение Едигера повлияли его связи с предводителями Ногайской Орды, в частности с бием Исмаилом, который стремился заручиться поддержкой Москвы в борьбе за власть в Орде с потомками Шейх-Мамая и в конфликте с казахским ханом Хакк-Назаром. Интересно объяснение этого шага брату Юсуфу, который стремился к союзу со среднеазиатскими государствами: «Твои люди ходят торговать в Бухару а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить» (Басин, 1971, с. 80–81). Ногайский бий Исмаил мог способствовать началу официальных отношений между Россией и Сибирским княжеством (Трепавлов, 2002, с. 310). Сомнительно, чтобы это обращение было непосредственно связано с нападением Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума. Напротив поход Шибанидов на Сибирь в 1556 г., скорее всего, был спровоцирован сепаратистскими стремлениями местных князей. Так посольство от Едигера приходит в Москву раньше, чем сообщается о нападении «шибанского царевича» (Полное собрание, 1906, с. 276).

Именно с этого времени «Сибирь» выступает камнем преткновения Шибанидов и Рюриковичей. Спорный вопрос о принадлежности Сибири и Шибаниды, и Тайбугиды пытались решить именно в Москве, о чем свидетельствует одновременное присутствие в русской столице в 1563–1564 г. посольств обеих сторон (Маслюженко, 2008, с. 122). После смерти в 1563 г. Едигера, чья жена, дочь ногайского бия Исмаила, и сын прибывали в Москве, «сибирские люди» пригласили на престол старшего сына Муртазы б. Ибак Ахмед-Гирея (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 188–188 об.). В это же время происходит включение Сибирского юрта в состав Тюменского ханства в единое Сибирское ханство со столицей в Искере. Приход к власти в Искере шибанидского хана в условиях ведения Москвой Ливонской войны не привел к значимым осложнениям во внешней политике этих государств. В 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая. В частности хан Кучум, сменивший своего брата, уехавшего, видимо, в среднеазиатские владения, был готов выплачивать в Москву дань, подтверждая тем самым договор Москвы с сибирским беком Едигером Тайбугидом, который получил ярлык от Ивана IV.

По всей видимости, здесь мог быть значимым фактор участия сибирских войск в столкновениях с казахами Хакк-Назара, о чем писал и новый сибирский хан Кучум (Акты исторические, 1841, с. 340). Война с казахами нанесла сильный удар по союзникам Кучума Шихмамаевичам, в результате чего Кучум срочно начал искать союзника в лице Русского государства. Сложность ситуации для Кучума отражается его словах в грамоте князя Никиты Ромодановского: «ныне деи дань собираю, Господарю вашему Царю и Великому Князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с Казацким царем, и одолеет деи меня царь Казацкой и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет давати» (Исхаков, 2006, с. 178–179).

Второй причиной могло быть продвижение сибирско-татарских отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины. О последнем позже Кучум сообщает в своем послании к русскому царю «..и ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое...» (Собрание, 1819, с. 52). Это, возможно, было связано с его деятельностью по расширению своих владений: «и многие языцы повинны себе сотвори...дани и оброки со многих язык имаше» (Полное собрание, 1987, с. 81–82).

Резкое ухудшение отношений и начало третьего этапа произошло в 1571 году. Отчасти причиной могло послужить поражение Москвы от Крымского ханства, в результате чего сибирские послы наблюдали Москву в руинах. Это несколько пошатнуло позиции Русского государства в глазах сибирского хана и помешало подписанию шерти. Вторым фактором было влияние на сибирские дела бухарского хана Абдаллаха II. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары (Катанов, 1897, с. 51–60). Миссия имела цель не только распространение ислама среди местного населения, но также развитие торговли и организация поселений бухарцев в Сибирском ханстве. На фоне этих событий с 1572 г. в Прикамье, во владениях Строгановых, начинаются восстания местных племен, в подстрекательстве которых местные воеводы не всегда объективно обвиняют Кучум-хана (Миллер, 2005, с. 333). В 1573 г. в эти места состоялся в начале поход сибирских войск Кучума, а вслед за ним в Пермь пришли войска ханского племянника и полководца Маметкула. Хан с очевидностью пытался не только установить четкий контроль на торговых путях через Урал и обеспечить прямое и активное участие в пушной торговле с Бухарой, но и вернуть или пополнить ясачное население. Классическим примером этого был увод Тахчеи. Как описывается в жалованной грамоте Строгановым: «меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, где збираются ратные люди Сибирскова салтана.» (Миллер, 2005, с. 332). По свидетельству этого источника во время восстания черемисов в 1572 году «как нам была черемиса изменила» Кучум-хан воспользовался ситуацией нестабильности и «перевел Тахчеи к себе» (Миллер, 2005, с. 333).

В ответ на это русский царь расширяет военные полномочия Строгановых как при защите владений, так и при проникновении в Сибирь: «а кои остяки, и вогуличи, и югричи от Сибирского отстанут, а почнут нам дань давати...и их и дети от сибирцов от ратных приходу беречи Якову да Григорию у своих крепостей» (Миллер, 2005, с. 332–334). Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью (Миллер, 2005, с. 332–334). Подобные действия уже напрямую затрагивали интересы Сибирского ханства. Строгановым предписывалось «на Сибирского...збирая охочих людей ...со своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов имати и в дань за нас приводити» (Миллер, 2005, с. 334).

Данные события показывают, что Российское государство чувствовало себя гораздо уверенней в условиях политической и военной борьбы в степях в это время. Эта уверенность, на наш взгляд, обуславливалась несколькими факторами, один из которых ослабление Ногайской Орды. Ногаи, сделав ставку на союз с Крымским ханством против России, оказались в результате без ее помощи и торговли в крайне невыгодном положении, учитывая неоднократные набеги со стороны Казахского ханства, которое в данный момент наоборот выступало за союз с Москвой. Этот союз был взаимовыгоден для обеих сторон. Москва получала рычаг давления на Сибирское ханство, а казахи – свободную беспошлинную торговлю в землях Строгановых (Миллер, 2005, с. 334).

В 1577 году, возможно после смерти брата-соправителя Ахмед-Гирея, тюменский и сибирский хан (такая двойная титулатура присутствует в посольских документах) (Продолжение, 1793, с. 268–269). Кучум начинает восстанавливать отношения с ногаями, которые в это время стремились наладить отношения с Россией. Это не могло не отразиться на Сибирском ханстве, внешняя политика которого по отношению к Москве во многом определялась позицией окружающих ее политических объединений, в том числе и соседством с Казахским ханством. В 1577 году русским послам в Ногайской Орде сообщил присланный из Сибирского ханства Таиляк, что «...государь его Кучум хочет вперед Государю царю и Великому князю в дружбе бытии и вперед от государя не неотстаточну быть...и правду дати по своей вере...» (Продолжение, 1793, с. 189). Была также

оговорена выплата дани «по прежнему обычаю»: «Прислал Кучум царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на Сибирской земле, издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам гнев свой отложить и держать к нему свое жалование...» (Продолжение, 1793, с. 281–282).

Вероятно, это послужило причиной, что в течение следующих четырех лет ни одна сторона не пытается спровоцировать военные действия, Москва отказывается и от поддержки претензий ногайского нурадина Хан-мирзы развязать конфликт с Кучумом (Продолжение, 1793, с. 268–269). Более того, Москва крайне благожелательно отнеслась к династическим бракам между Ногайской ордой и Сибирским ханством. Одобрение Москвы было связано с примирением не только с Ногаями, но и с Сибирью, о чем писал Иван IV в грамоте к Дин-Ахмаду: «а ныне для твоего письма что с тобою царь Кучум Сибирской учинился в сватовстве, хотим к нему держать свое жалование и больше прежнево» (Продолжение, 1793, с. 282).

В этом отношении события 1581–1582 гг. стоят явно особняком в международной политике. В конце 1581 – начале 1582 гг. казаки Ермака зимуют на Сылве и совершают походы на вогулов, что привело к ответным нападениям. Причины этих нападений, помимо прочего, ряд исследователей видят в деятельности промышленников Строгановых, которые, воспользовавшись многочисленными льготами от государства, начали откровенно грабить местное население, провоцируя их на ответные выступления (Бахрушин, 1955, с. 101). Кроме того, большая численность отряда казаков могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и рядом связанных с ним угорских князей как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 г. Обо всем этом сообщал в своей «опальной» грамоте Иван IV к Строгановым в 1582 году: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пельнцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» (Миллер, 2005, с. 335).

При этом других объективных факторов для эскалации конфликта 1582 года не выявляется. Имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста немотивированной агрессивности сибирского хана в рассматриваемый период как возможной причины дальнейшей московско-сибирской войны. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. Скорее всего, военные действия 1582 года были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала и, с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Поражения от казаков стали основой для начала четвертого этапа взаимоотношений, который характеризуется попытками Кучума и его потомков Кучумовичей отстоять независимость своего государства. Его специфика заключалась в том, что теперь русская администрация не была отделена от сибирских дел Уралом, а пыталась разместиться непосредственно в бывших угорских и татарских центрах. Потеря некоторых из них в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов, в том числе в окружении Кучума и его сыновей, не стала причиной для ликвидации местной государственности. Это видно и по сохранению за Кучумом и затем его сыном Алеем титула сибирского царя (Трепавлов, 2012, с. 67–69). После пленения Алея в 1608 году иные Кучумовичи уже имели в глазах русских администраторов только статус царевичей, что не мешало им претендовать на ханский титул при поддержке местной тюрко-татарской аристократии и даже использовать его в переписке с Москвой, как это деле в 1660-х гг. Кучук. Вплоть до 1670-х гг., а в некоторых случаях и позднее, они имели поддержку среди калмыков, отдельных групп ногаев, башкир и татар. Если первые использовали потомков хана Кучума в своих интересах, то вторые зачастую реально выступали под лозунгом восстановления сибирской государственности.

Таким образом, выявляется 4 этапа московско-сибирских отношений, которые охватывают период с 1481 по 1670-е гг. За почти два столетия отдельные провалы и ошибки во внешней политике Шибанидов, активное продвижение русских в Поволжье и Приуралье привели к прямому столкновению интересов сторон. Одной из возможных причин этого была борьба за сибирскую пушнину. Однако, вторжение в Сибирь, как нам кажется, все же не было изначально частью целенаправленной государственной внешней политики. Москва скорее воспользовалась удобной ситуацией для расширения своего влияния, при этом сталкиваясь со значительными проблемами в системе административного контроля над вновь приобретенными территориями и населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334–1598 гг. СПб., 1841. 596 с.
2. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 575 с.
3. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVIII вв. // С.В. Бахрушин Научные труды. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 324 с.
4. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С.241–270.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.
6. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
7. Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «Золотой трон» // Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014. С.175–190.
8. Катанов Н. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск. 1897. С.51–60.
9. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С.43–97.
10. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.
11. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С.62–68.
12. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С.115–123.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Вост.лит., 2005. 630 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скорородова, 1901. 272 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб.: Типография Н.Ю.Скорородова, 1906. 234 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 255 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.
19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
20. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.IX. СПб., 1793. 315 с.
21. Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т.1. СПб.: Типография Ф.Елеонского и Компании, 1884. 631 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 2 т. М.: Тип. Всеволожского, 1819. 643 с.
23. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 т. М.: Тип. Всеволожского, 1894. 202 с.
24. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
25. Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 256 с.
26. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.
27. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

**МӘСКӘҮ ДӘҮЛӘТЕ ҺӘМ ТӨМӘН / СЕБЕР ХАНЛЫҒЫ:
ХАЛЫКАРА МӨНӘСӘБӘТЛӘРНЕҢ ТӨП ЭТАПЛАРЫ**

Мәкаләдә XV гасырда – XVII гасырның беренче яртысында Мәскәү дәүләте һәм Төмән / Себер ханлыгы арасындагы халыкара мөнәсәбәтләрнең төп этаплары яктыртыла. Бу мөнәсәбәтләрнең төп факторлары булып Идел буе һәм Казан мәсьәләләре, шулай ук ясаклылар өчен көрәш торган. Аларның башлангычын Төмәннең генә түгел Нугай Урасының да идарәчесе дә булган, ә 1480–1490-нче елларда Урда һәм Казан тәхетенә дөгъва иткән Ибраһим хан сәясәтеннән күрергә кирәк. Ибак тарафыннан булдырылган тенденцияләр Шыбаниларның Себер дәүләтендә эһәмиятен жуймаганнар, тынычлык хакында сөйләшүләр вакыт-вакыт хәрби бәрелешләргә китергән. Ахыр чиктә Себер ханлыгының бөтен жирләрен руслар яулап алса да, сугышлар еш күзәтелми. Моның мөһим факторы булып Себер бәкләбәкләре Тайбуга нәселләренең сепарат рәвештә Мәскәү патшасы Иван IVнең хакимиятен тану була, бу яңа жирләргә кушу өчен идеологик нигез тудыра. Традицион карашларга каршы килеп, авторлар бу мөнәсәбәтләрне Ермак походы һәм Себер ханы Күчемнең жиңелүләре белән чикләнмишәр, чөнки Күчемнең нәсел дөвамчылары 1670-нче елларга кадәр хан титулына һәм ханлык жирләренә дөгъва итүләрен дөвам итәләр, соңгысын Мәскәү падишаһлары белән бүлешәләр.

Ачыкч сүзләр: Төмән һәм Себер ханлыгы, Мәскәү дәүләте, халыкара сәясәт.

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina

**THE MOSCOW STATE AND THE TYUMEN / SIBERIAN KHANATE:
THE MAIN STAGES OF THE FOREIGN RELATIONS**

The article deals with the main stages of the foreign relations of the Moscow state and Tyumen / Siberian khanate since the 15th century till the first half of the 17th century. Significant factors of these relations were the Volga and Kazan regions matters, and a struggle for yasak-pay population (yasak-payers). The beginning of these relations should be seen in the politics of Ibrahim Khan (Ibak Khan), who was not only a Tyumen and Nogai ruler, but in the 1480–1490-s claimed the Horde and the Kazan thrones. Trends founded by Ibak Khan, remained significant throughout the history of the Siberian statehood of the Shaybanids that periodically led to the transition from peace negotiations to military clashes. However, the latter were not frequent, although it ended in the total conquest of the entire territory of the Siberian khanate by the Russians. A significant factor of this was the attempt of the separate recognition of the authority of Moscow Tsar Ivan IV by the Siberian beklarbeks Taibugids that gave the ideological basis for accession. Contrary to the traditional view, the authors do not consider it necessary to end the relationship with Ermak's campaign and defeats of Siberian Khan Kuchum, as his descendants, the Kuchumids, up to the

1670-ies continued to claim the title and lands of the khanate, in fact, sharing the latter with the Moscow sovereigns.

Keywords: Tyumen and the Siberian khanate, Moscow state, foreign politics.

Сведения об авторах:

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет (г.Курган); E-mail: denmas13@yandex.ru

Маслюженко Денис Николай улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, Курган дәүләт университеты (Курган шәһәре).

Maslyuzhenko Denis Nikolaevich – candidate of historical Sciences, Associate professor, Kurgan State University (Kurgan).

Рябина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Культурология», Курганский государственный университет (г.Курган); E-mail: denmas13@yandex.ru

Рябина Елена Алексей кызы – «Культурология» кафедрасы өлкән укытучысы, Курган дәүләт университеты (Курган шәһәре).

Ryabinina Elena Alekseevna – senior teacher of the Department «Cultural studies», Kurgan State University (Kurgan).